

Михаил КОРДОНСКИЙ Олбанская грамота

Падонки — самоназвание носителей интернетовской субкультуры, единственной реализацией которой, в отличие от большинства других субкультур, является не визуализация, а словесность. На улице падонки ничем не отличаются от цывила (обычного человека): он не носит ирокеза — как панк, хайра — как хиппи, лысины — как скинхеды, не красит фейс фиолетовой краской — как эмо, или черной — как готы. Падонки не ездят на рок-фестивали, ролевые игры или турниры ЧГК, не гоняют по улицам на байках, не разыгрывают флэшмобов. Хотя кто-то из падонкаф (именно так по-ихнему склоняется) случайно может оказаться одновременно и реконструктором или анимешником, и еще кем-то странным, но это просто совпадение — может же у человека быть два хобби одновременно, например, и филателист, и уфолог — одно другому не очень мешает.

Основной транслятор падонкаф — общение на интернетовских форумах, блогах, чатах, социальных сетях и т. п. Они могут общаться на любые темы и отличаются от других неформалов только использованием своего специфического сленга.

Чем "настоящее" слово отличается от сленгового? Можно сказать, что наличием в академических словарях. Но можно сказать и так: частотность, распространенность в разных географических и социальных ландшафтах, литературе, СМИ и т. п. Если сленговое слово достигает определенного порога величин этих параметров, оно появляется в академическом словаре. Этим и занимаются академики в редакциях.

А чем сленговое слово отличается от только что придуманного и никому еще не известного неологизма? Да, в общем, тем же. Грубо говоря, а много ли людей его используют?

Как это узнать нам с вами, читатель, не имеющим бюджетов на полевые исследования, опросы, фольклорные экспедиции и другие классические научные методы? Двадцать лет назад было невозможно. Но сейчас появился интернет, число пользователей которого уже соизмеримо с числом всех грамотных людей на планете.

Придумайте неологизм. Теперь наберите его в поисковой системе интернета. Если слово найдется, значит, вы придумали его не первым. А если нет, то вы, конечно, можете опубликовать его в интернете, вставив в свой рассказ, стих или эпический роман. И если ваше творчество хоть кто-то читает, то слово через какое-то время появится в поисковой системе. Один раз. В словари оно не войдет. Даже в словари сленга — их редакции проверяют бытование, частотность употребления слова.

Если придуманное вами слово войдет в оборот и появится в интернете хотя бы несколько сотен раз... а если несколько тысяч... это будет свидетельством вашей писательской гениальности или везучести... Впрочем, кто знает, может гениальной везучести... Официальная наука считает, что автором слов является Народ, в крайнем случае — признанный Народом классик, а булгаковский персонаж поэт Рюхин считал, что Пушкину просто повезло. Это философский вопрос, это недоказуемо, потому теперь давайте перейдем к доказуемому: от авторов и их гениальности к собственно словам и их подсчету их бытования.

Слово "автор" упоминается в интернете 500 млн. раз (здесь и далее по данным поисковой системы Яндекс на март 2010 г.). "Аффтар" — слово из олбанского языка (так гордо называют свой сленг падонки) — 3 млн. раз. Много это или мало? Сравним с другими словами по той же теме.

"Аффтар" употребляется в интернете: ЧАЩЕ, чем слова: солист, пьеса, поэма, симфония, корректор, драматург, сценарист. НАМНОГО ЧАЩЕ (иногда в сотни раз), чем слова: ямб, хорей, сочинитель, партитура, графоман, прозаик, эссеист, романист, сатирик. СОИЗМЕРИМО (не намного реже), чем слова: композитор, критик, абзац, сочинение.

Как вы думаете, этого просто добиться? Если бы было просто, то любой торговец сделал бы так, чтобы название его товара встречалось в интернете чаще товаров конкурентов. Если кто-то тупо напишет на своем сайте какое-то слово хоть тысячу, хоть миллион раз подряд, то поисковые системы его не посчитают НИ РАЗУ! Результат будет противоположным: поисковики весь этот сайт вообще перестанут замечать за недобросовестный метод рекламы — "поисковый спам". Коммерческая реклама в интернете — это размещение названия и описания товара на большом числе читаемых и посещаемых сайтов, владельцы которых берут деньги за рекламную площадку. Для того чтобы добиться высокой частотности слова, нужны или миллионные затраты или, что в нашем случае и происходит, естественные социальные фольклорные механизмы.

Язык падонкаф есть в словарях сленга, но это, пожалуй, не более чем выпендрож редакторов словарей. Словари сленгов вообще-то полезны для понимания многих других субкультур. Непросто без словаря понять, что

означает керек, таггинг, холтрейн (у художников граффити), ахоге, бисёдзэ, отаку (у фанатов японских мультфильмов), афаик, биопня, пинг (у компьютерщиков). Другого рода сложность — слова, которые в сленге имеют другое значение, чем в бытовом языке. Далеко не всегда и контекст помогает. "Ласточки в зале" у ЧГКшников означают не летающих по комнате птичек, а почему-то ассистентов. Выражение "убить перса" у фанатов компьютерных игр никак не связано с войнами на Ближнем Востоке: "перс" — принятое сокращение от "персонаж игры", чаще всего это какой-то монстр, дракон или маг. А что вы подумаете, услышав слово "лессимизация"? На сленге интернет-рекламщиков оно означает уже упомянутый в этой статье технологический процесс, когда роботы поисковых систем противодействуют попыткам искусственно повысить частотность слова в интернете.

А вот примеры по-падонкафски:
Адназначна. Ржунимагу пацулом. Смилясь всемофисом. Превед, кадила? Афтар жот! Пеши исчо! Убей сибя с расбегу апстену вымазанную йадом. Палуци медалько за аццкий отжи! Многобукаф — вайнаимир, йа не асилил. Йа за твой пажизнипаламатый моск ни в ответе.
Перевод нужен?

Легенда о возникновении названия "олбанский язык" такова. На падонкафском форуме появился американец (а может, немец), хорошо знающий русский, но не из колыбели, а из университета. Типа славист (а может, ЦРУшник). И спросил: на каком из славянских языков здесь разговаривают? Кто-то ему и отшутил: на албанском. Через несколько месяцев дотошный лингвист сообщил на том же форуме: "Йа выучил олбанский!".

Не все, что с первого взгляда кажется пустым озорством, таковым является. Слово или понятие, разное в миллиардах экземплярах десятками миллионов людей, становится явлением культуры, хотим мы того или не хотим. Оно может быть плохим явлением или хорошим, но оно есть, и с этим приходится считаться.

Ровно в то время, когда возник и укоренился олбанский язык (вторая половина первого десятилетия XXI века), у государственных ведомств России появились очереди за гражданством из стран бывшего СССР, в которых (за исключением Прибалтики), уровень жизни ниже российского. Экзамены на знание языка — стандартная процедура для получения гражданства во всех странах мира. Чиновники и ученые местоблюстители русскости придумывают тесты и проверки, иногда очень неуклюжие и дающие на практике парадоксальные результаты.

Знание олбанского языка вполне могло бы их заменить.

Этот феномен уникален тем, что его понимает без всякого словаря только и только тот, кто не просто хорошо, а очень хорошо знает русский. Тому, для кого это родной язык, не надо переучиваться. (Остальным придется немного подсутиться, сидя у компьютера, как тому легендарному иностранцу.) Олбанский язык создан не группой чиновников ученых авторов как "тест на русскость", а народом. Механизмы возникновения и распространения любого сленга, наречия, диалекта в принципе фольклорные (от корня "фолк" — народ опять же). Ну да, не всем народом единогласно, а его частью. Насколько эта часть представляет народ? А может, не в меньшей степени, чем любая другая часть (от латинского *pars, partis* — часть)? Вы, читатель, кому больше доверяете — политической части или вот такой — самодельной? Я бы подумал...

От редакции: для любознательных советуем ознакомиться с творчеством поэта-футуриста Ильи Зданевича, который изобрел "олбанский язык" еще в начале XX века.

Е. Г.

Вера ЗУБАРЕВА

Не плачь...

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Стучат, стучат подводы, бегут, бегут дороги... Дороги... Сколько же их в одной человеческой жизни? Холод ползет по земле змейкой, чешуя поблескивает инеем. Кому в сердце заползает, тот становится вечным пленником севера. Гонят люди змейку, гонят, но она юркая — то в сны заползет, то в мысли, а оттуда и до сердца рукой подать.

Вот уже который день семья его с колоннами беженцев переправляется Бог знает куда. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на него, а другая на его отца.

Обе-две, в один день. И день стал ночью. Птицей серой почталыон прилетел вместе с декабрьской стужей, стукнул пальцем ключом в дверь, и заплакала дверь, застонала, вспомнила о том, как ствол рубили-распиливали, как дом сколачивали, как ее на петлях прилаживали. А теперь что? От стука этого пошатнулась — в самое сердце пальцем своим острым клюнул. "Это конец, это конец", — заплакала-заскрипела.

Вышла мать — платок прабабкин на плечах. Давит на грудь, как семейные надгробия. Сколько их выходило вот в этом самом платке вести принимать о мужьях и сыновьях своих? Не от ветра он, платок этот, не от стужи. Холодно в нем, тяжело.

Почталыон два письма из-под крыла молча вынул, отдал, и понес его ветер дальше по бесцветной дороге. А она стоит как вкопанная — уже обелиском стала, и только письма трепещут в руках, как птицы, которым не взлететь.

Два конверта. Оба одинаковые. Такого в жизни не бывает. Жизнь родит все разное, хоть по мелочи, но разное, а если что одинаковое, то это от смерти, это она все сравнивает, сглаживает, все зазубрины, все неровности, все, что одно от другого отличается.

В конвертах холодно. Там ничье сердце не бьется, и привета там ни от кого нет. Мать не обманешь, она и раскрывать не станет. Вот так и будет стоять под этим небом каменным, пока не разорвут ее на клочки самолеты.

— Зайди в дом, Феня, дверь закрой — Женю не ровен час застудишь.

— Мама! — она протягивает оба конверта.

— На стол положи и свечу зажги.

Стол просторный, дубовый, за ним семье никогда тесно не было. У основания, где корни, бабушка восседала, по одну сторону от нее дочь с мужем, по другую дети, а на противоположном конце — никого, только даль в окне.

— Бабушка, что это за письма? Это от папы с Кимом?

— Нет. От папы с Кимом другие письма, не эти.

— А почему не распечатываешь? Бабушка, дай открою!

Свеча забилась, заматалась, тени на стене заплескали мажор.

— Не для твоих это глаз, деточка, сама открою.

Две похоронки лежат на столе, одна подле другой. "Ваш муж"... "Ваш сын"... Все остальное — одинаково в обеих.

— Мама! — вскрикивают обе одновременно, падая грудью на стол.

Нет им утешения. Больше почталыон не будет, а дом, который обходят почталыоны, превращается в тухлый пень. Уже почти вся улица в таких пнях, почти весь город.

Бабушка садится у основания стола, руки сложены в замок. В окне напротив смеркается, кроме сумерек ничего не видно.

— Муж твой погиб. Не жди его, не вернется. А Ким — жив. Не смей оплакивать его.

Ни слова не добавила больше, ни утешила, ни подбодрила, только дом обвела прощальным взглядом. И ушли они вдаль, смешиваясь с эшелонами.

Из дневника 1941 года

Скоро Новый год. В течение двух недель я имел небольшой так называемый отдых, которым сменилось путешествие Тамань — Джимэрт до Новороссийска на

грузовике. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Как с первого взгляда кажется просто, но когда вспомнишь длинную однообразную дорогу, метель и небольшой морозец, за спиной котомку чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как и ты, то поневоле становится грустно. Как длинна и однообразна зимняя дорога! Впереди и сзади по дороге, насколько может видеть глаз, столбы и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в голову в течение этого пути! Мысли набегают друг на друга, и так же быстро, как приходят, тут же и улечиваются из головы... Но они никак не могут заглушить основную мысль, основной вопрос: когда же дойдем, когда же конец пути?

— Проснитесь, проснитесь же! — она тормошит дочь что есть сил.

Стоны ветра перемешиваются со стоном больных. Кому холодно, кого в жар бросает, кто просто спит тихо, слышном тихо...

— Что, мама? — дочь еще в полусне, ничего не понимает, ежится.

Подводу на каждой кочке подбрасывает, но Женечка спит как убитая. Нет, нет, нехорошее это сравнение, не к месту...

— Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!

Да что вы, мама! Что вы такое говорите! Никогда мы вас не бросим, спите, спите.

Но бабушка тормошит ее, понимает, что та от усталости как в дурмане.

— Слушай, что я тебе говорю, слушай внимательно и запоминай. Что бы ни случилось, оставь меня. Бог обо мне позаботится. А у тебя Женя. Женю береги.

Наконец-то сознание возвращается к ней, а с ним и озноб. Ночь выдалась холодной, промозглость от земли тянется к людским телам. К кому заползает, от того тепло в себя перетягивает и в огонь превращается, а у человека — озноб, зуб на зуб не попадает. Огонь пляшет, пляшет, от одного тела к другому перебрасывается, и тела трещат, как сухие поленья, и земля их к себе тянет, где гниль да мрак.

Бабушка в огне том мечется уже с вечера. Как только зорька вечерняя взошла, так и задрожала она, точно осинового листочка сухонький. Ни стати бывшей не осталось, ни размерности движений. Вот-вот сорвет ее ветер с древа жизни.

— Мама, мама, да что ж это вы расхворались нехстай, — дочь ей шепчет.

— Тиф, сыпняк, — кратко говорит доктор и удаляется к следующим подводам, точно почталыон тот серокрылый.

Бабушку снимают с подводы и перекладывают на другую, а их дальше везут. Из пятерых уже двое осталось, птица Сирина...

— Женечка, какая птица Сирина? О чем ты?

— Птица Сирина, птица Сирина...

— Сыпняк, — кратко говорит доктор и снова удаляется.

Мать падает на трясущееся тело дочери, закрывает его, как солдат амбразуру с огнем, и огонь прошивает ее, изрешечивает, ну и пусть, пусть...

Палата белая-белая, из снегов небесных изваянная. И потолки белые, и стены, и постели, а на них — побелевшие люди, прихитиши и обессиленные. Нет больше крови в них, всю отдали огню, вот и белеют в палатах, как лилии. Много, много белых лилий, ими и полы усеяны, и кровати, и раскладушки.

— А где бабушка?

— Пей, деточка, — сестра милосердия, сама белоснежнее всех лилий, дает ей запить белые таблетки белой водой. — Там мать твоя, в соседней палате поправляется.

Идет снег, несет тишину белокрылую. Бабушка там, под снегом, леденеет, не отыскать ее в братском сугробе. Женя беззвучно плачет, и лилии вокруг удивленно шевелятся, раскрываются.

— Не плачь, деточка, не плачь. Погоди, все образуется, — поет ей самая белоснежная лилия. — Бог милостив — видишь, мать жива, и ты скоро на ноги встанешь...